

О. В. М а т в е е в

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА
И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ АДЫГОВ

Присоединение Северо-Западного Кавказа к России сыграло громадную роль в этнической истории адыгов второй половины XIX в. Вольнолюбивые горцы были поставлены перед выбором: остаться на земле предков, подчинившись царской администрации, либо уйти в неведомую единоверную Турцию, где многочисленные проповедники обещали райскую жизнь. Предмет данного исследования составляют этнополитические и социокультурные последствия так называемой Кавказской войны для адыгов Российской и Османской империй в 60—80-е гг. XIX в. Выбор хронологического периода обусловлен тем, что эти годы были переломными в жизни обоих государств. В России — это время реформ, творческой, созидательной деятельности, когда появились некоторые возможности для федеративного устройства многонациональной империи. Для Турции — это годы мучительных поисков выхода из социально-экономической отсталости и политического упадка; государство постепенно превращалось в полуколонию и аграрно-сырьевой придаток крупных империалистических держав. Выявить общее и особенное в развитии адыгов обоих государств является одной из важнейших задач современного адыговедения¹.

Для понимания процессов, протекавших внутри адыгского общества в 60—80-е гг. XIX в., мы исходили из сформулированного С. А. Арутюновым понятия о плотности коммуникационных связей. «В процессе этногенеза, — считает С. А. Арутюнов, — сперва возникают предпосылки (возникновения и существования общности — *О. М.*): между разными исходными этническими компонентами, расселенными по соседству или чересполосно на обладающей некоторым географическим единством территории, завязываются связи разного рода. Связи эти реализуются в виде сети коммуникаций, что требует и приведет к определенному языковому единству. В конечном счете сознание постепенно усиливающегося языкового и культурного единства порождает новое этническое самосознание»². Предпосылками или условиями преодоления низкого уровня плотности коммуникаций могут стать, по мнению исследователя, «укрупнение поселений, прогрессирующее разделение труда, увеличение плотности населения, сбор воедино больших масс людей в армию или на трудовые повинности, и, наконец, самое главное — возникновение письменности...»³.

На наш взгляд, вплоть до второй половины XIX в. адыги оставались на уровне соплеменности⁴. Причины этого крылись прежде всего в их этнической пестроте, примитивности их хозяйства, междоусобной борьбе феодализировавшейся верхушки адыгского общества⁵. На племенную разобщенность шапсугов, абадзехов, натухайцев, бжедугов, бесленеевцев, темиргоевцев и других адыгских племен оказывал влияние географический фактор. Н. Я. Данилевский отмечал, что «горы совершенно разъединяют людей, запирают их в долины и котловины и, будучи весьма удобными для сохранения этнографических отличий, совершенно не способны служить почвою для развития первоначальной самобытной цивилизации»⁶. Замкнутый образ жизни в горных эколого-географических нишах, в суровой среде обитания способствовал консервации ранних форм общественной организации, обусловил длительный характер перехода к классовым отношениям⁷. Институт адыгского наездничества, в котором важное место занимала особая подготовка черкесских воинов, включающая набеги на соседей⁸, обычай кровной мести «разжигали межплеменную рознь, создавали состояние хаоса»⁹.

По-видимому, длительное сохранение раннефеодальных форм организации адыгов усугублялось специфическими условиями бытования среди них архаичных

форм ремесленного производства, которое питало и развивало феодальную систему, но в то же время и консервировало формы прежних общественных институтов, поддерживая локальную дифференциацию. Поэтому Кавказ в первой половине XIX в. оставался регионом «удивительной разобщенности по долинам и даже аулам»¹⁰.

На разобщенность горцев влияла внешнеполитическая ориентация отдельных групп адыгов или на Россию, или на Турцию, либо на европейские державы, боровшиеся за преобладание на Северном Кавказе¹¹. Огромную роль играло соперничество между княжеско-дворянской и «новой» старшинской знатью и одновременно противоречия между этой верхушкой и рядовыми тфокотлями¹².

Окончательное присоединение Закубанья к России сопровождалось переселением более 400 тыс. адыгов в Турцию¹³. Оставшиеся были размещены к югу от р. Кубани в трех уездах: в южной части Екатеринодарского, в Майкопском (бассейны рек Белой, Лабы и ее притоков Уля, Фарса, Ходзя и Чохрака) и в Баталпашинском (бассейны верхнего и отчасти среднего течения Кубани и ее притоков Урупа, Большого и Малого Зеленчуков). В 1867 г. численность адыгов в Кубанской области не превышала 75 тыс. человек¹⁴. «При размещении горцев в области, — отмечал Л. Загурский, — правительство не задавалось этнологическими целями, забота его главным образом состояла в том, чтобы сделать горцев безвредными и поселить их в тех местностях, в которых они могли бы вести мирную жизнь»¹⁵. Однако именно административная политика царского правительства, государственно-правовые установки и ориентиры, принятые в устройстве новой, Кубанской области способствовали увеличению плотности коммуникаций между адыгами. В 60-х гг. XIX в. возникают укрупненные многоплеменные адыгские населенные пункты. Статистика 70-х гг. XIX в. отмечает значительные по числу жителей поселения: аулы Хаджимуковский, Хатажукай, Ходзь, селения Бжедуховское и Бенопское, в каждом из которых проживало от 2 до 3 тыс. адыгов¹⁶. Население аулов было разноплеменным. Например, в Хатажукае, Урупском ауле жили представители 9 племен в каждом, в Хаджимуковском, Хакурунохабле, Кошехабле, Эрсаконе — люди из 7 племен, в Бенопском, Ульском и Темиргоевском аулах — из 5—6 племен¹⁷. Компактное поселение членов разных племен способствовало частичному изживанию племенной разобщенности¹⁸.

Политические мероприятия русских властей шли в унисон со стремлением «поднять завесу, скрывавшую от нас склад нравов и обычаев этих (адыгских. — О. М.) народов, заглянуть во внутреннюю жизнь их, не раздражая щекотливую замкнутость, составлявшую религиозный корень их векового быта»¹⁹. Во временном «Положении об управлении горцами Кубанской области», утвержденном 4 июня 1865 г., указывалось, что все дела в так называемых окружных словесных судах должны решаться «по адату — народному обычаю, или по шариаду — духовному суду»²⁰. Но вскоре обнаружилось, что адаты разных племен отличаются друг от друга²¹. Тогда местные власти в лице помощника начальника Кубанской области по управлению горцами П. Г. Дукмасова решили пойти на унификацию адатов. «Это обстоятельство (различие адатов в разных племенах. — О. М.), — говорилось в „Отчете по военно-народным управлениям за 1863—1867 гг.“, — потребовало сличения свойств адатов, и более подходящие к духу общих законов Империи были признаны судьями на предварительном совещании с народом за общие»²². Унификация делопроизводства в горских судах способствовала консолидации адыгов.

Увеличению плотности коммуникаций содействовало расширение в 60—80-х гг. возможностей сообщения между адыгскими аулами. «Горцы, когда от них зависело избрание мест для поселения, — отмечалось в цитированном выше отчете, — всегда выбирали местности закрытые и недоступные, считая это одним из средств к более независимому положению от правительства и сохранению особенностей своего быта. Такие стремления, прямо противоположные видам правительства, заставляли желать возможно скорейшего упразднения этой замкнутости и, посредством проложения путей сообщения в таком направлении, чтобы

устроенные дороги и мосты могли служить в пользу не одним только горцам, но и русскому населению, живущему в соседстве»²³. Проложенные в 60-х гг. дороги вдоль течения Малого Зеленчука, от Малого Зеленчука к Верхнениколаевскому мосту на р. Кубани, от станицы Ключевой к г. Екатеринодару вниз по р. Псекупсу и от станицы Верхнениколаевской вверх по Кубани в Карачай «сократили в три и даже в четыре раза расстояние между некоторыми пунктами и дали возможность удобно перевозить тяжести и по горам, недоступным прежде для нагруженных арб»²⁴. В 1883—1886 гг. была проложена Майкопско-Туапсинская грунтовая шоссейная дорога²⁵. Еще в 1875 г. вступила в строй Ростово-Владикавказская железная дорога, в 1888 г. пущена в ход ветка Тихорецкая—Новороссийск, в результате чего упрочились связи адыгского населения с российским внутренним и внешним рынком²⁶.

Важную роль сыграла крестьянская реформа, в результате которой к 1868 г. в Кубанской области было освобождено от крепостной зависимости 16 367 крестьян-горцев²⁷. Это влекло за собой смену общественной психологии. «Результатом освобождения крестьян, — свидетельствует документ, — явилась необходимость для самих владельцев приниматься за полевые работы. Не только уздени, имевшие крестьян, но и бедные из князей и даже султаны, живущие вне Абазинского и Кабардинского общества (в которых старинные предания усиленно поддерживаются отдельными личностями), принимаются за хозяйственные работы, и местные власти употребляют все средства, чтобы одобрить и поддержать эти хозяйственные настроения высших сословий»²⁸.

С трудом, но изживались в пореформенный период традиции «набеговой системы». В годовом отчете начальника Урупского военного округа за 1868 г. отмечалось, что «воровство почти исчезло — и в течение целого ряда лет замечено только несколько случаев и то незначительной кражи»²⁹. «В настоящее время, — говорится в документе, — среди туземного населения стало преобладать более хозяйственное и меркантильное направление, каждый заботится о том, чтоб всякую законно приобретенную прибыль обратить к улучшению своего быта, чем о присвоении чужой собственности»³⁰.

Улучшению организации быта адыгов способствовало их знакомство с домо-строительной культурой славянского населения Кубани. Жилища горцев традиционно имели во многом временной характер. Плетневые стены сакль без стекол в окнах при плохо пригнанных дверях с широкими плетневыми трубами плохо предохраняли адыгскую семью от холода и сырости. При постоянных токах воздуха и дыма из каминов это порождало простудные и глазные болезни и большую смертность среди детей. Черкесские очаги были пожароопасны и требовали большого количества дров. Российские власти всячески содействовали распространению у адыгов саманных построек, надеясь, что это «повлечет исчезновение между ними теперешней наклонности к частым переменам места жительства при малейших к тому поводах»³¹. Во многих адыгских жилищах их владельцами под влиянием русских домостроительных традиций во второй половине XIX в., наряду со старым очагом, устанавливались кирпичные печи типа «голландки»³².

С увеличением плотности коммуникаций большую роль стало играть распространение грамотности среди адыгского населения. Еще в ходе Кавказской войны горцы учились в школах при полках русской армии (например, в Тенгинском пехотном полку), войсковых училищах Черноморского казачьего войска. Аманаты (заложники), которых предоставляли горцы русским военным властям, не просто находились в плену, а получали образование в черноморских войсковых училищах за счет казны³³. Давние традиции получения образования в Дворянском полку существовали в команде горцев Собственного Его Императорского Величества конвоя³⁴. «Грамоте русской читать и писать знаю», — говорил о себе в одном из документов 26-летний корнет Кавказской армии, служивший в начале 60-х гг. в царском конвое³⁵. Еще в 1846 г. горские народы Северного Кавказа получили право поступать в русские гимназии, а в 1860 г. первые адыги поступили

в высшие учебные заведения Российской империи. По данным М. А. Кошева, «много адыгов училось в Ставропольской гимназии. Последняя выступала просветительским центром адыгов, где они получали прочные знания и нередко оканчивающие курс реального отделения продолжали свое образование в высших учебных заведениях России»³⁶. В 1866 г. была открыта горская школа в Майкопе, в 1876 г. — в аулах Хаштук и Суворово-Черкесске, в 1877 г. — Хакуринохабле, позже в Понежукае, Шенджие, Бжедугахле³⁷. Грамотность распространялась преимущественно среди офицеров черкесского происхождения и высшей знати, но именно благодаря этому стало возможным появление блестящей плеяды адыгской национальной интеллигенции, представленной именами инженера Батырбека Шарданова, публициста и педагога Сефербия Сихохова, писателя Кази-бека Ахметукова и др.

Очевидно, в 60—80-х гг. XIX в. на Северо-Западном Кавказе были созданы более или менее необходимые предпосылки или условия возникновения адыгейской народности³⁸. Механизм реализации этих предпосылок был создан в послеоктябрьский период, а его результаты мы наблюдаем в настоящее время³⁹.

Своеобразным отражением формирующегося национального самосознания новой этнической общности стали попытки создания в 1860—1870-х гг. адыгейской письменности. В начале 60-х гг. из-под пера известного лингвиста-кавказоведа П. К. Услара выходит система буквенных средств, пополнившая коллекцию азбук, составленных на ранних этапах становления литературной нормы адыгейского языка. В 1878 г. Хаджибек Анчок составил новую адыгейскую азбуку на базе арабской графики. Буквами своей азбуки он записал множество произведений устного народного творчества⁴⁰.

В развитие этнического самосознания вносила свою лепту и адыгейская литература, развивавшаяся на двух языках: устная — на национальном, письменная — на русском⁴¹. По-видимому, в пореформенный период складываются предпосылки возникновения адыгейского литературного языка. Бжедугский диалект, ставший впоследствии одним из спорных диалектов, на которые в годы советской власти были ориентированы нормы адыгейского литературного языка, постепенно превращается после 1865 г. в язык межплеменного общения. Выразилось это в смешении наречий (плоскостного, шапсугского и абадзехского наречий с бжедугским), а также в сближении темиргоевского и бжедугского диалектов⁴². Этому способствовало количественное преобладание бжедугов среди других адыгских племен Кубанской области, связанное с давними историко-культурными связями бжедугов с русским населением, благодаря чему большинство их осталось на земле предков⁴³. Бжедуги, по данным Н. Г. Волковой, фиксируются в 70-е гг. XIX в. в 27 селениях Екаторинодарского и в 6 селениях Майкопского уездов, где они составляли 70—100% населения⁴⁴. Большое число носителей бжедугского диалекта, а также отмеченные лингвистами его богатство, разносторонность лексического состава и развитая синонимия⁴⁵ объясняют последующее преобладание носителей бжедугского диалекта в литературной жизни Советской Адыгеи и количественный перевес бжедугских норм в адыгейском литературном языке.

Формирующаяся в пореформенный период адыгейская народность выступала в состоянии ассоциированности с русской нацией. Объем традиционно-культурных, художественных, семейно-бытовых коммуникаций, политических, экономических, научных, технических задач и связей осуществлялся в более широких рамках русской нации и на русском языке, за пределами адыгской народности.

Если в России в 60—80-х гг. XIX в. были созданы предпосылки образования новой, адыгейской, народности, то в Турции, по словам Г. А. Дзидзария, с самого начала «наблюдается процесс их (кавказцев. — О. М.) денационализации и ассимиляции, тем более, когда речь идет о лицах, вывезенных в качестве рабов или пленных»⁴⁶. Основой денационализации стала и продажа в рабство членов своих семей, на что вынуждены были идти махаджиры, испытывавшие голод и

лишения. «В рекруты турки берут только неженатых, и потому горцы продают своих жен и детей и поступают на службу», — говорилось в донесении русского посла⁴⁷. Работоторговля и большая смертность среди махаджиров приводили к резкому оскудению генофонда адыгов Турции. Только с ноября 1863 г. по сентябрь 1864 г. из высадившихся в Анатолии 220 тыс. черкесов, по данным английского консула в Трапезунде, 10 тыс. человек были проданы в качестве невольников, а 100 тыс. погибли от голода и болезней в турецких карантинных лагерях⁴⁸. Вместо обещанных готовых домов и селений на побережье Черного моря многие махаджеры были расселены в самых пустынных местностях Малой Азии, причем турецкая администрация долго переводила их с места на место, не считаясь со страшной смертностью, которая уносила людей тысячами⁴⁹.

На территории Болгарии, констатировал в 1877 г. А. Н. Мошнин, «половина из переселившихся уже погибла, а другая тоже еле влачит свое жалкое существование. Черкесов переселилось в Турцию 200 тыс., теперь их насчитывают до 60—70 тыс. Вообще племени этому суждено слиться с турками и разделить судьбу последних»⁵⁰.

Большая смертность среди черкесских махаджиров наблюдалась в годы русско-турецкой войны 1877—1878 гг., когда «по настоянию Сулеймана-паши переселились в Азиатскую Турцию сотни тысяч мусульманских жителей Болгарии, между которыми большая часть из поселенных там горцев»⁵¹. «В настоящее время, — писал в 1881 г. полковник Генерального штаба В. Н. Филипов в „Военном обозрении Азиатской Турции“, — они временно расположены в разных местах Айдинского вилаета, в числе страшно уменьшившимся от болезней»⁵².

В то же время правительственная политика в 60—80-х гг. в какой-то мере способствовала и консолидации турецких адыгов. «Примечательно то, — писал один из представителей черкесского зарубежья Хавжоко Шаукат Муфти, — что после переселения черкесы в большей степени, чем раньше, смешивались друг с другом. Это привело к уменьшению и даже к исчезновению многих языковых различий. В одной и той же деревне мы находим индивидуумов из различных племен; очень часто люди понимают и говорят на нескольких различных диалектах, чего не могли делать до эмиграции»⁵³.

Кроме разноплеменного состава адыгских деревень консолидации адыгов способствовало использование их для подавления национально-освободительного движения угнетенных народов Османской империи. На Балканах линии черкесских поселений прорезали славянские массивы, создавая «живые заслоны» из мусульман между болгарами, сербами, греками и другими балканскими народами. В Западной и Восточной Анатолии султанское правительство расселило основную массу черкесов с целью «разорить, уничтожить христианское население, не давая вновь прибывшим других средств к существованию, кроме грабежа»⁵⁴. Черкес Мухамедхяр Хагундоко отмечал, что турецкие власти в Иордании опоясали свою резиденцию черкесскими поселениями для контроля над бедуинскими племенами и сбора с них налогов⁵⁵. Например, селение Уадисир, основную массу которого составляли бжедуги, абадзехи и шапсуги, было поставлено против племен Абад и Альмансир, селение Сиурелех, где жили кабардинцы и чеченцы, против племени Адуан и его подгрупп, селение Хажур, состоящее из шапсугов, абадзехов и кабардинцев, против племени Бэни Сахър и т. д.⁵⁶.

Черкесы, по мнению турецкого паши, стали представлять собой «нечто вроде мусульманской полиции» и «таким образом, сеть черкесских поселений охватила собою всю Болгарию. Той же системе турецкого правительства следовало в Азии, вдоль границ Кавказа и среди армянского населения»⁵⁷. Поэтому, помимо общности судеб и кавказских культур, адыгских махаджиров спланировал определенный настрой против них местного населения. «Не успели они (болгары. — О. М.), — писал Феликс Филипп Канитц, — еще отдохнуть от всех жертв, возложенных на них татарскою колонизацией в 1861 г., как их вновь заставили строить для этих (кавказских. — О. М.) пришельцев дома, стоимость которых им обещали высчитывать из их податей, что впрочем не было исполнено в действительности,

и не только подати не были уменьшены, но кроме того, их заставили опять уступить черкесам, как прежде татарам, лучшие участки земель на том основании, что вся земля есть собственность султана»⁵⁸.

Болгарские крестьяне, указывая супруге английского дипломата Джона Элиа Блэнта на близлежащую черкесскую деревню, говорили, что «самим возникновением и процветанием своим она обязана труду и деньгам болгар. Черкесы... целый день шатаются без дела. Вся их работа в том и состоит, что они посеют несколько мер проса для домашнего обихода. Скот они держат не для работы, и он украден ими у нас, так же, как и большая часть остального их имущества: им дают безнаказанно воровать у болгар все, что им вздумается...»⁵⁹. В марте 1865 г. один из сербских жителей писал из Белграда в «Санкт-Петербургские ведомости»: «Вы покорили Кавказ — Кавказ покоряет нас... Думали ли вы — русские, что, отпустив черкесов на все четыре стороны искать для себя приюта, вы этим невольно, помимо, усилите ту тяжесть, которая лежит на спине южного славянина слишком четыре столетия?... Действительно, грабеж, убийства и насилия совершаются ныне на нашей границе в самых ужасных размерах. Черкесы нападают не только на поселян, непосредственно подчиненных туркам, но даже на поселян нашего княжества»⁶⁰. Турецкие источники отмечают, что «в 1869 году, в Адрианопольской провинции, в округах: Мамары, Кершона, Еноса, Пазарджика черкесские разбойники так дерзко занимались похищением болгарских, греческих и татарских молодых девиц, что генерал-губернатор этой провинции, Хуршид-паша, счел своей обязанностью принять серьезные меры, чтобы положить конец этому порядку вещей»⁶¹.

В Азиатской Турции «горцы ведут жизнь оседлую и занимаются хлебопашеством; но главное их занятие заключается в воровстве — особенно в конокрадстве, возведенном в систему и получающем такую стройную организацию, что лошадь, украденная, например, в Сивасе, явится через неделю в Ангоре, т. е. верст почти за 400»⁶².

Система нравственных ценностей черкесов (совершенно иная, чем у местных жителей), сложившаяся в условиях ранних форм общественной организации и продолжавшая господствовать в период формирования классовых отношений, своеобразный кодекс чести, не считавший преступлением ловко украсть имущество у соседей — немусульман, тем не менее, вызывали справедливое негодование у местных народов⁶³. Поэтому вполне естественно враждебное отношение местного населения к пришельцам, которое спланивало представителей адыгских племен. «Когда впоследствии болгары отказались от этого нового рабства, — писал в 1867 г. в отчете о командировке в Европейскую Турцию один из офицеров Русского Генерального штаба, — черкесы нападали на них, и, пользуясь своим вооружением против беззащитных селян, брали подати деньгами, хлебом и скотом. Это заставило болгар соединиться, вооружиться дубьем и кольями и энергично... отстаивать свою независимость»⁶⁴. Французские ученые отмечали, что болгарское восстание весной 1877 г. было, в частности, следствием насилий со стороны черкесов⁶⁵.

Используемые нами источники отражают не природную «хищность» или «леность» черкесов, а результат намеренных действий турецких властей, всячески понуждавших черкесских поселенцев вставать на такой путь поведения.

Другим фактором, способствовавшим консолидации адыгов, было создание черкесских военных подразделений. Это — и личный конвой султана, составленный из черкесов благородных фамилий, и так называемые дивизии хамидие, сформированные из курдов, албанцев и черкесов и используемые против освободительного движения христианских меньшинств (прежде всего армян), это и знаменитая черкесская кавалерия времен русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и другие военные соединения⁶⁶.

Известны в Турции и случаи сбора воедино кавказских переселенцев на трудовые повинности. Например, во время строительства Хиджазской железной дороги турецкие власти использовали в качестве дешевой рабочей силы черкесов⁶⁷.

И, наконец, несомненно, что в Османской империи на сплочение адыгов в большей степени, чем на Кавказе, оказывал исламский фактор, игравший огромную роль в жизни страны⁶⁸.

Дополнительный объем коммуникаций в сфере развития профессиональной культуры осуществлялся во второй половине XIX в. на турецком и арабском языках. Мировой известностью пользовался писатель адыг Баруди Махмуд Сами (1838—1904), писавший на арабском языке и прозванный эмиром поэтов⁶⁹. Турецкая литература многим обязана Ахмеду Митхату, который популяризировал в Турции жанр бытовых романов, писал на турецком языке, но оставался при этом адыгом⁷⁰.

После провозглашения в декабре 1876 г. в Турции конституции черкесские депутаты Великого национального собрания основали газету «Гьуазе», которая, по свидетельству Расима Рушди, выходила на турецком и черкесском (что вызывает сомнение) языках⁷¹. Однако вскоре Абдул-Хамид II совершил государственный переворот, парламент был распущен, а страна на долгие годы была превращена в мрачную деспотию. Возможности для реализации национального самосознания консолидирующихся адыгских общностей были утрачены. Политика пришедших в 1908 г. к власти младотурок, направленная на насильственное отуречивание этнических меньшинств, отпадение от Турции арабских государств ускорили процессы ассимиляции⁷².

Кавказская война на Северо-Западном Кавказе и последовавшая за ней эмиграция адыгов в Турцию нарушили естественный ход формирования адыгского этноса. Однако вовлечение адыгского населения в экономическую и культурную жизнь России в конечном счете способствовало консолидации и образованию нового адыгского этноса — адыгейцев. В Турции, несмотря на наличие ряда факторов, способствовавших консолидации адыгских махаджиров, преобладающими стали в конце концов процессы растворения адыгов в среде турецкого населения. Однако эти процессы не везде протекали с одинаковой интенсивностью. Поэтому, тогда как в ряде мест потомки махаджиров, например, убыхского происхождения, к середине XX в. ассимилировались практически полностью, в других местах образовались достаточно крупные анклавы адыгского населения, сохраняющего как племенное, так и, чаще, общеадыгское самосознание и даже сумевшие повысить уровень своей консолидации.

Примечания

¹ С. Г. Кудалева, например, считает, что требует переосмысления «сложившийся в российской исторической науке стереотип сугубо негативной оценки роли Турции в судьбе адыгского этноса» (Кудалева С. Г. О некоторых стереотипах в оценке роли Османской империи в судьбе адыгов (черкесов) в период Кавказской войны // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. г. Краснодар, 16—18 мая 1994 г. Краснодар, 1995. С. 221).

² Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 27.

³ Там же. С. 26.

⁴ За это говорит то обстоятельство, что не все адыгские племена в первой половине XIX в. называли себя *адыге*. Л. Я. Люлье отмечал: «Некоторые из племен черкесских, именующихся Адыге, оспаривают это наименование, хотя оно впрочем сделалось общим для всех Черкесов. Настоящими Адыгами признают: Кабардинцев, Бесленеевцев, Темиргойцев, Хатукайцев и Хегайков; другие же племена, управляемые также феодально, как-то: Бзедугот, Мохошевцев и Жанеевцев называют иногда Абадзее». (Люлье Л. Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи. Перемышль, 1990. С. 11). См. также: Торнау Ф. Ф. Краткий обзор горским племенам, живущим за Кубанью и вдоль восточного берега Черного моря от устья Кубани до устья Ингира // Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы. Приложения. М., 1976. С. 115. Впрочем, это вполне объяснимо, если верна гипотеза Л. И. Лаврова о длительном процессе сокращения численности абазин из-за многовековой ассимиляции их адыгами и о том, что ряд адыгских племен (шапсуги, абадзехи, бжедуги) были прежде абазинами и говорили на абазинском языке (Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978. С. 41).

⁵ Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках. М., 1958. С. 216.

⁶ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 230.

⁷ Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М., 1994. С. 583.

⁸ Керашев А. Т. Социальная сущность адыгского наездничества // Культура и быт адыгов. Этнографические исследования. Вып. 8. Майкоп, 1991. С. 184.

⁹ Чирг А. Ю. Культура жизнеобеспечения адыгов // Там же. С. 255.

¹⁰ Айларова С. А., Виноградов В. Б. Позднесредневековый хозяйственно-экономический комплекс у горцев Центрального Кавказа и его место в контексте русско-кавказских отношений докапиталистической эпохи (К постановке проблемы) // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный, 1987. С. 127.

¹¹ Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII — 80-е годы XIX в.). М., 1984. С. 155, 316.

¹² Покровский М. В. Из истории адыгов в конце XVIII — первой половине XIX века. Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989. С. 61.

¹³ Загурский Л. По поводу трудов Е. Д. Фелициана о горах Кубанской области // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 8. 1884—1885. № 2. С. 363.

¹⁴ Государственный архив Краснодарского края (далее — ГАКК). Ф. 774. Оп. 1. Д. 665. Л. 1.

¹⁵ Загурский Л. Указ. раб. С. 365.

¹⁶ Фелицын Е. Д. Статистические таблицы пространства, населенности и сравнительные статистические таблицы народонаселения, браков, рождаемости, смертности и естественного приращения народонаселения в Кубанской области. За 7 лет. (1871—1877 год) // Сборник сведений о Кавказе. Т. 7. Тифлис, 1880. С. 545—549.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Очерки истории Адыгеев. Майкоп, 1957. Т. I. С. 456.

¹⁹ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 172. Л. 8.

²⁰ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 2. Л. 7 об.

²¹ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 172. Л. 12.

²² Там же. Л. 13.

²³ Там же. Л. 42—43.

²⁴ Там же. Л. 45.

²⁵ Аутлев П. У. Адыгея в хронике событий (с древнейших времен до 1917 года). Майкоп, 1990. С. 94.

²⁶ Адыгея. Историко-культурный очерк. Ч. 1. Майкоп, 1989. С. 78.

²⁷ Джимов Б. М. Характер колониальной политики царизма на Северо-Западном Кавказе во второй половине XIX в. // Черкесия в XIX веке (материалы I Кошехабльского форума «История — достояние народа»). Майкоп, 1991. С. 67.

²⁸ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 172. Л. 26—27.

²⁹ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 124. Л. 41 об.

³⁰ Там же. Л. 44.

³¹ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 172. Л. 39.

³² Меретуков М. А. Русско-адыгские культурные связи (вторая половина XIX — начало XX в.) // Проблемы историографии и культурного наследия народов Кубани дореволюционного периода. Краснодар, 1991. С. 20.

³³ Трехбратова С. А. Народное образование горцев Северо-Западного Кавказа в период Кавказской войны // Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар, 1995. С. 277.

³⁴ Петин С. Собственный Его Императорского Величества конвой. 1811—1911. Исторический очерк. СПб., 1911. С. 61.

³⁵ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 292. Л. 22.

³⁶ Кошев М. А. Ставропольская гимназия и просвещение горцев (70-е—90-е годы XIX века) // Культура и быт адыгов. Этнографические исследования. Вып. 7. Майкоп, 1988. С. 188.

³⁷ Очерки истории Адыгеев. С. 449.

³⁸ Можно обозначить общность и как новый адыгский этнос — адыгейцы. К такому выводу пришел кубанский этнограф Н. И. Бондарь (См. Бондарь Н. И. Этнокультурная ситуация на Кубани // Материалы научно-практической конференции «Традиционные национальные культуры Кубани: состав, состояние, проблемы». Краснодар, 1991. С. 10). См. также: Матвеев О. В. О предпосылках возникновения адыгейской народности в 60—80-х гг. XIX в. // Проблемы историографии и истории Кубани. Краснодар, 1994. С. 144.

³⁹ Сам термин *адыгейцы*, под которым с 27 июля 1922 г. понимают адыгов Адыгейской автономной области (с 1991 г. Республика Адыгея) стал вызывать возражения, особенно после прошедшего в Майкопе форума «Мы — адыги-черкесы» (См. Гъуазэ. 1991. № 13). С. Х. Мафедзев, считая основным признаком этнического адыгского самосознания комплекс социальных норм, касающихся всех областей жизнедеятельности адыгов — *адыгэ хабзэ*, признает искусственным деление адыгов на три народа: кабардинцев, адыгейцев и черкесов (Мафедзев С. Х. К проблеме о национальном самосознании (на примере адыгов) // Черкесия в XIX веке. С. 15). К такому же выводу пришел кабардинский ученый Хусейн Кушхов (Кушхов Х. Один народ — одно имя // Джэртэдзэжэ. 1991. № 3. С. 3). По мнению С. Х. Хотхо адыговедение «развивалось долгие годы под давлением искусственных, навязанных сверху локальных рамок исследования. И на сегодняшний день имеются «Очерки истории Адыгеев», издания по истории Кабарды и Карачаево-Черкесии, но отсутствует единая история адыгской (черкесской) нации. Между тем, первая история нашего народа, написанная Шором Ногмовым, была создана как история всего народа, а не какой-то отдельной области» (Хотхо С. Х. Черкесские мамлюки. Краткий исторический очерк. Майкоп, 1993. С. 4).

Нам представляется, что перечисленные авторы смешивают понятия разных уровней, во времени и в пространстве. Разумеется, и адыгейцы, и черкесы, и кабардинцы — адыги (как, например, русские, украинцы и белорусы — восточные славяне), но на данном этапе это три самостоятельных этноса, проживающих на своих территориях и имеющих культурные, в том числе и языковые, особенности. Лингвистические исследования показывают, что трансформация общеадыгской фонологической системы в системы отдельных адыгских языков обусловлена значительными фонетическими изменениями (Кумахов М. А. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. М., 1981. С. 268). «Локальные» рамки исследований обусловлены не только тем, что ускорение процессов консолидации адыгов традиционно связывали с национально-государственным строительством в советское время (См.: Аутлев М. Г., Зевакин Е. С., Хоретлев А. О. Адыги (историко-этнографический очерк). Майкоп, 1957. С. 109), но и с обособлением кабардинцев еще в XIII в. (Шафиев Н. А. К вопросу о происхождении и расселении кабардинцев // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института языка, истории и литературы. Т. 8. Майкоп, 1968. С. 381).

⁴⁰ Зекох У. Из истории адыгейской письменности // Гъуазэ. 1992. № 7.

⁴¹ Схалыко А. А. Идеино-художественное становление адыгейской литературы. Майкоп, 1988. С. 40.

⁴² Аутлев П. У., Кубов Ч. М. К вопросу об образовании адыгейской социалистической нации // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Т. 13. История и этнография. Майкоп, 1971. С. 69—70.

⁴³ Венюков М. И. Кавказские воспоминания (1861—1863) // Русский архив. М., 1880. Кн. 1. С. 433.

⁴⁴ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. М., 1974. С. 241.

⁴⁵ Тхаркахо Ю. А. Особенности чемгуйского диалекта адыгейского языка // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Серия лингвистическая. Т. 2. Майкоп, 1963. С. 123.

⁴⁶ Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982. С. 493.

⁴⁷ Цит. по: Касумов А. Х. Разные судьбы. Нальчик, 1967. С. 37.

⁴⁸ Покровский М. В. Указ. раб. С. 306.

⁴⁹ Там же. С. 309.

⁵⁰ Мошин А. А. Придунайская Болгария (дунайский вилайет). Статистико-экономический очерк. СПб., 1877. Т. 2. С. 356. По данным В. Теплова в это же время в Болгарии, Фракии и Македонии проживало 90 тыс. чел. черкесов (Теплов В. Материалы для статистики Болгарии, Фракии и Македонии. СПб., 1877. С. XXVII—XXVIII) согласно английским и французским источникам — от 65 до 144 тыс. черкесов (Михов Н. В. Население на Турция и България през XVIII и XIX в. Библиографски издирвания съ статистични и этнографски данни. София, 1935. С. 131, 155, 282, 418).

⁵¹ Российский Государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 450. Оп. 1. Д. 533. Л. 35.

⁵² Там же.

⁵³ Хавжоко Ш. М. Герои и императоры в черкесской истории. Нальчик, 1994. С. 240.

⁵⁴ Цит. по: Касумов А. Х. Северо-Западный Кавказ в Русско-турецких войнах и международные отношения XIX века. Ростов-на-Дону, 1989. С. 187.

⁵⁵ Хагуздоко М. Адыги (черкесы): их происхождение, история, обычаи, традиции, эмиграция в Иорданию. Амман, 1982 // Рукопись библиотеки Адыгейского института гуманитарных исследований. Пер. с араб. на адыг. Д. Тлебзу, с адыг. на русский А. Гадагатля. С. 42.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Татары и черкесы в Турции (Два письма бывшего турецкого паши) // Славянский сборник. СПб., 1877. Т. 2. С. 61.

⁵⁸ Канитц Ф. Ф. Дунайская Болгария и Балканский полуостров. Исторические, географические и этнографические наблюдения. 1860—1875. СПб., 1876. С. 348.

⁵⁹ Блэнт Д. Э. Народы Турции. Двадцать пять лет пребывания среди болгар, греков, турок, албанцев и армян дочери и жены консула. СПб. 1879. Т. 1. С. 101.

⁶⁰ Туганов Р. У. Мухаджиры (по страницам русской и зарубежной печати) // Мир культуры. Вып. 1. Нальчик, 1990. С. 188—189.

⁶¹ Татары и черкесы в Турции. С. 64. Само собой разумеется, эти и другие источники отражают не столько природную «леность» или «хищность» черкесов, сколько результат намеренных действий турецких властей, всячески понуждавших черкесских поселенцев вставать именно на такой путь поведения.

⁶² РГВИА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 533. Л. 97.

⁶³ Кудалева С. Г., Жук Л. В. Адыгские махаджиры на Балканах // Культура и быт адыгов. Этнографические исследования. Вып. 8. Майкоп, 1991. С. 199—200.

⁶⁴ РГВИА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 82. Л. 164—165.

⁶⁵ Убичини А., де Куртейль П. Современное состояние Османской империи. Статистика, правление, финансы, армия, общины мусульманские и пр. По официальному ежегоднику на 1875/1876 г. (Салнаме на 1293 г. хиджры) и по другим новейшим документам. СПб., 1877. С. 33.

⁶⁶ Касумов А. Х. Разные судьбы. С. 43; Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. С. 482—483; Кушхабиев А. В. Черкесы в Сирии. Нальчик, 1993. С. 35—38.

⁶⁷ Касумов А. Х. Северо-Западный Кавказ в Русско-турецких войнах и международные отношения XIX в. С. 187.

⁶⁸ Васильев Л. С. История Востока. М., 1993. Т. 2. С. 141.

⁶⁹ Схалыко А. А. О национальном и интернациональном в литературе (На материале адыгейской литературы) // Проблемы адыгейской литературы и фольклора. Вып. 8. Майкоп, 1991. С. 49.

⁷⁰ Ахметуков Ю. Современная Турция. СПб., 1897. С. 110; Баков Х. Х. Махаджирство и турецкая литература XX века // Проблемы адыгейской литературы и фольклора. Вып. 7. Майкоп, 1990. С. 82—83.

⁷¹ Рушди Р. Это моя нация. Из-под пера Расима Рушди. Нальчик, 1993. С. 51—52.

⁷² Если в конце XIX в. в Турции по официальным данным числилось 450 тыс. черкесов, то в 1927 г. — 96 тыс., в 1960 г. — 63 тыс., в 1965 г. — 57 тыс., причем термином черкесы назывались все кавказские переселенцы: абхазы, карачаевцы, чеченцы, адыги и др. (См. Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. С. 512). В конце 50-х гг. в Турции умер последний носитель убыхского языка (См. Ландманн У. Акифийе-Бюйюшамурлу. Убыхские деревни в Юго-Восточной Турции. Гейдельберг, 1981. Перевод книги хранится в библиотеке Адыгейского института гуманитарных исследований). На сегодняшний день в Турции у горцев нет ни школ, ни учебников, у большинства из них другие фамилии, даже топонимы с этнонимами черкес, абаза (например, типа Черкес кей — «Черкесское село») заменены чисто турецкими названиями. Конституция Турции 1961 г. (ст. 54) считает всех граждан страны турками (См. Гожба Р. От Кубани до Нила // Родина 1994. № 3—4. С. 134).

The influence of the Caucasus War on Adyges

The integration of North-Western Caucasus into the Russian state in XIX influenced drastically on Adyges. A considerable part of them emigrated to the Osman Empire and was settled in Middle Asia and Balkans (predominantly on Bulgar lands). Since that time a dominating ethnic trend among Adyges was their assimilation by Turks. In Russia, on the contrary, economic and cultural integration of Adyges into the Russian society led to their consolidation and forming a new *ethnos*.

O. V. Matveev

© 1996 г., ЭО, № 2

С. С. С а в о с к у л

НОВАЯ РУССКАЯ ДИАСПОРА И РОССИЯ: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОТНОШЕНИЙ

Дезинтеграция СССР привела к громадным сдвигам в развитии его народов, в том числе к значительному изменению в постсоюзном пространстве места и роли русских, на протяжении столетий бывших системообразующим этносом дореволюционной России и ее приемника — Советского Союза. Из этноса, доминировавшего на пространстве всего СССР в социально-экономическом, культурно-языковом и политическом (по крайней мере на уровне союзного Центра) отношении, русские в результате изменившихся политических обстоятельств превратились в лидирующую этническую группу лишь одной из бывших союзных республик, хотя и самой большой. В других бывших союзных республиках, в большинстве которых русские являлись второй по численности этнической группой, зачастую составлявшей значительную долю их населения, русские были поставлены в несвойственное им положение этнического меньшинства.

В новой этнополитической ситуации бывшую РСФСР — ныне суверенную Россию, оказавшуюся в окружении 14 новых «национальных», в значительной мере этнократических государств, русское население как в ней самой, так и в ее новом зарубежье, невольно стало осознавать по преимуществу русским государством. На наш взгляд, это новая черта русского этнополитического сознания,